

ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. К. РОМОДАНОВСКАЯ

К вопросу о поэтике имени в древнерусской литературе

Поэтика имени героя в древнерусской литературе почти не рассматривалась. Известные труды А. Ф. Лосева¹ и П. А. Флоренского² посвящены исключительно философским аспектам проблемы, вызванным полемикой по поводу имяславия, и не затрагивают собственно художественных вопросов. Основное направление исследований в этой области было задано еще в 1950-х гг. статьей Д. С. Лихачева «От исторического имени литературного героя к вымышленному», вошедшей в качестве главы в книгу «Человек в литературе Древней Руси».³ Вслед за этим появились работы, где рассматривались связь имени героя с *вымышленным* (легендарным или сказочным) сюжетом и значимые имена в памятниках XV—XVII вв.⁴ Однако думается, что поэтика имени в средневековых текстах занимала гораздо большее место, чем представлялось до сих пор, и определялась не только вымышленным героем.

Как известно, в глазах человека средневековья имя играло существенно иную роль, чем в наше время. В получении имени по святым, при крещении, часто видели предсказание грядущей судьбы ребенка,⁵ а изменение социального статуса нередко вело к смене имени.⁶ Особенное значение смена имени имела при пострижении в монашество или в схиму, а отказ от такого имени или его подмена вели, по мнению современников, к отказу от «жизни вечной». Так, в Первом послании Курбскому Иван Грозный рассуждает о тех, кто, постригшись «неволею», оставил монастырь («еже иноческое одеяние свергше»): все они «в горшая душев-

¹ Лосев А. Ф. *Философия имени* // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 11—194.

² Флоренский П. А. *Имяславие как философская предпосылка* // Флоренский П. А. У водоразделов мысли. М., 1990. С. 281—321.

³ См.: Лихачев Д. С. 1) От исторического имени литературного героя к вымышленному // ИЮЛЯ. 1956. Т. 15, вып. 3. С. 201—214; 2) *Человек в литературе Древней Руси*. М.; Л., 1958. С. 119—140.

⁴ См., например: Дробленкова Н. Ф. *К поэтике имен в древнерусской литературе* // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 73—81; Бударягин В. П. О происхождении «Повести о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 272—275; Михалина А. А. «Гистория о Франце Мемзонзиллюсе» и ее отношение к фольклору // *Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»*. Апрель 1977 г. Филология. Новосибирск, 1977. С. 133—134; Ромодановская Е. К. *Русская литература на пороге нового времени*. Новосибирск, 1994. С. 35—52.

⁵ Успенский Б. А. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Успенский Б. А. Избр. труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994. С. 155.

⁶ Там же. С. 151—154.

ная и телесная погибели приидоша», потому что имя их «без вести бысть»,⁷ следовательно, они лишаются справедливого Божьего суда. Та же тема присутствует и в Повести об иноке, снявшем иноческий образ, использованной во Временнике Ивана Тимофеева при рассказе о Лжедмитрии: страшное наказание юноши, который, постригшись в монахи при болезни, после выздоровления отказался от иночества, бежал за границу и даже женился, заключается не только в потере тела, «растаявшего» в бане, но и в потере имени; автор замечает в заключении: «И душа его отыде к негасимому огню, и имя его погубло на небеси: мирское имя заглажено чернечеством, а чернеческое имя заглажено злочеством, понеже поругася великому ангельскому образу и чюждь бысть христианския веры, законныя благодати».⁸

При таком отношении к имени совершенно естественным оказывается внимание ко всем его значениям. Первые памятники, толкующие сокровенный смысл человеческого имени, появились на Руси не позднее XIII в. и связаны с комментированием текстов Писания. Я имею в виду прежде всего ранние опыты лексикографии («Рѣчь жидовьскаго языка» и «О именехъ глаголемыхъ жидовьскимъ языкомъ въ книгахъ церковныхъ»), изученные и опубликованные Л. С. Ковтун. Как пишет исследовательница, первый из них — «это не словарь еврейских слов, а словарь речей (слов) из книг Ветхого и Нового завета. Слова, которые объяснены в этом словаре, — в большей своей части библейские и евангельские собственные имена».⁹ Толкования этих имен встречались и ранее в Толковых Евангелиях и Псалтырях (см., например, «Толстовскую» Толковую псалтырь рубежа XI—XII вв.¹⁰); судя по расположению словарных статей в соответствии с порядком библейских текстов, именно «толковые» книги послужили образцом и источником «Рѣчи жидовьскаго языка». Что касается словаря «О именехъ...», то он создан на основе перевода греческого Ономастикона и посвящен «почти исключительно ономастическа сагра»,¹¹ причем толкования нередко сокращены по сравнению с греческим источником и прежде всего служат напоминанием о соответствующем месте Писания. Уже в XVI в. Максимом Греком, крупнейшим ученым-филологом своего времени, создается новый словарь «Толкование именам по алфавиту», послуживший основой для дальнейшей лексикографической работы в своеобразных энциклопедиях XVI—XVII вв. — Азбуковниках. К ним мы вернемся в дальнейшем.

Однако интерес к имени у древнерусских книжников не ограничивался лишь комментаторскими и лексикографическими трудами. Наиболее интересно для нас то, что обыгрывание значения имени наблюдается в памятниках самого разного жанра с древнейших времен. В первую очередь это связано с торжественным красноречием, а также с похвалами (чаще всего посмертными) тому или иному деятелю. Так, Андрей Боголюбский в Ипатьевской летописи назван «тезоименитым мужеству»,¹² что соответствует значению его имени, а св. Владимир, как пишется в Степенной книге XVI в., «владычественным и царственным именованьем преславно прославился» — эта формула происходит от его двойного имени: языче-

⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 17.

⁸ Ромодановская Е. К. Об одной литературной параллели к Временнику Ивана Тимофеева // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 296.

⁹ Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963. С. 146.

¹⁰ См.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. С. 86.

¹¹ Ковтун Л. С. Русская лексикография... С. 152.

¹² ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 584.

ское Владимир («владычественное») и христианское Василий («царственное»); насколько это традиционно, свидетельствует тот факт, что сходную формулу еще в XII в. использовал епископ Даниил в своем послании Владимиру Мономаху, носившему те же два имени.¹³

С другой стороны, писатель может подчеркнуть и несоответствие своего героя тому высокому имени, которое ему досталось. Так, в «Новой повести о преславном Российском царстве» автор с возмущением пишет о предателе Федоре Андронове: «Его же, окаяннаго и треклятого, по его злому делу не достоин его во имя Стратилата, но во имя Пилата назвати, или во имя преподобнаго, но во имя неподобнаго, или во имя страстотерпца, но во имя землеедца, или во имя святителя, но во имя мучителя, и гонителя, и разорителя, и губителя веры християньския».¹⁴

Особенно широко используется формула похвалы через значение имени в духовных песнопениях — канонах святым. Так, Стефан Пермский в каноне назван «венец Христов».¹⁵ Источником и образцом подобного художественного приема несомненно является практика переводных служб греческим святым, а также, как пишет Н. В. Поньрко вслед за немецким славистом Гельмутом Кайпертом, византийская риторическая теория, в которой свое место занимает фигура «от этимологии имени». Н. В. Поньрко приводит ее описание по поздней Риторике Козьмы Грека: «О этимологии. Сия есть тонкоречие краткое имене... приемлемо к рашению слова. Яко Стефан бысть венец Христов или себе, Василий — царь страстей и нечистых духов, Афанасей — безмертия сын».¹⁶

Однако к началу XVIII в., к которому относится перевод Риторики Козьмы Грека, на Руси уже существовала более чем вековая собственная традиция теоретических трудов, посвященных поэтической этимологии имени, и связана она с развитием в XVI—XVII вв. энциклопедических лексиконов — Азбуковников, или Алфавитов. Изучаемые до сих пор прежде всего как памятники средневековой лексикографии,¹⁷ они почти не затронуты как источник знакомства древнерусского человека с теорией литературы — едва ли не единственной на эту тему является статья Л. С. Ковтун «Термины стихосложения в русском азбуковнике»,¹⁸ где рассмотрены слова «акростихида», «краегранесие», «анапест», «амфиврахий», «дактиль» и другие, известные у нас уже в XVI в., задолго до позднейшей практики. В той же статье исследовательница упоминает и о новых задачах, которые ставятся перед словарями имен в азбуковниках.

Жанр азбуковника возник во второй половине XVI в. под сильным и разносторонним влиянием Максима Грека. Ему, как уже говорилось, принадлежит обширный ономастикон — «Толкование именам по алфавиту». По своей структуре это прежде всего перечень имен, в основном греческого происхождения, с их переводами: Артемий — совершен, Авксентий — растителен, Герасим — честный и т. п. Негреческое происхождение имени особо оговаривается: «Герман — римская пословица, а толкуется братин сын» (с. 316); «Аввакум — еврейская пословица, а толкуется

¹³ Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI—XIII вв. СПб., 1992. С. 51—52.

¹⁴ Дробленкова Н. Ф. «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960. С. 206.

¹⁵ Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие... С. 52.

¹⁶ Там же. С. 51—52.

¹⁷ См.: Ковтун Л. С. 1) Русская лексикография...; 2) Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975; 3) Азбуковники XVI—XVII вв. Старшая разновидность. Л., 1989.

¹⁸ Ковтун Л. С. Термины стихосложения в русском азбуковнике // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 269—274.

отец восстаню» (с. 313) и т. п. Задумываясь о целях создания такого словаря, Л. С. Ковтун высказала предположение, что это «Толкование...» явилось своеобразным учебником греческого языка, построенного по ономастическому принципу обучения.¹⁹ В дальнейшем ономастика Максимова «Толкования...» со всей тщательностью использована в Азбуковнике, в первую очередь пространной разновидности,²⁰ где была разнесена по алфавиту среди других словарных статей. В 1-й редакции Азбуковника появляется и особое «Предисловие толкованию имен человеческих», где объясняется, почему необходимо понимать эту этимологию: «дабы разумни нам, славяном, были» «имена благочестивая и неблагочестивая, и отпадшая»; «сего ради здѣ объявихом имена сотонинска, да некто от простей чади волчье имя аки агньче примет и вмѣсто свѣта тму удержав неразумия ради души свою погубит».²¹ В отличие от неблагочестивых («сотонинских»), имена благочестивые известны по кондакам и тропарям: «иже древними святыми отцы канонотворцы в тропарех и кондаках воспеваемым от них святым тезоименныя похвалы, обретаем бо в тропарех и кондаках Андрея мужеству тезоименита, Василя царству, Еуфимия благодушию тезоименитна».

Сфера употребления этимологических толкований (тропари и кондаки) в этом тексте только обозначена, причем не как явление современного творчества, а как давняя традиция: «древние святыя отцы канонотворцы...». Автору гораздо важнее предупредить родителей, чтобы при выборе имени ребенку не назвали его по незнанию «неблагочестивым» именем — именно в этом пафос всей статьи. Однако этот аспект исчезает при переработке «Предисловия...» во 2-й редакции Азбуковника, созданной не позднее 1563 г. соратником Максима Грека в филологических и переводческих трудах Нилом Курлятевым.²² «Тема противопоставления имен „благочестивых“ и „неблагочестивых“ и волхования именами при второй редакции снята, а теме прославления человека через его имя придан иной оборот. Речь теперь идет не о чтении канонов, а значит, и о содействии пониманию скрытой образности употребляемых в них имен, но о составлении канонов...».²³ Нил Курлятев пишет: «Зде толкованием по буквам тая положихом хотящих ради тропаря и каноны составлять. Не бо достоит кому дерзнути на составление тропаря или канона, аще не преже зело ум свой углубит во святых писаниих... и тезоименитства имен навькнет».²⁴

По сути дела, перед нами едва ли не самый ранний текст, посвященный своеобразной «учебе» будущего писателя, принципам чисто литературной работы. Именно эта тема все больше развивается в последующих редакциях «Предисловия...», где особо появляется и тема Руси, русских святых: «Кождо бо святыи от коего языка родом бе, тем языком во святыхъ имя его написано. Потребно ж суть сих толкования хотящим составлять тропари и кондаки, иже в Руси новым чудотворцам, ради тезоименитства».²⁵

Во 2-й половине XVII в. текст «Предисловия...» встречается уже вне Азбуковников. Примером может служить рукопись РНБ, собр. Погодина, № 1578, л. 163—165 об., где у памятника несколько изменено заглавие

¹⁹ Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси... С. 146—147.

²⁰ Там же. С. 240.

²¹ Ковтун Л. С. Азбуковники XVI—XVII вв. С. 158.

²² Там же. С. 93—94.

²³ Там же. С. 90. Курсив мой. — Е. Р

²⁴ РНБ, собр. Погодина, № 1143, л. 25.

²⁵ ГПНТБ СО РАН, собр. Тихомирова, № 501, л. 24 об.

(«Предисловие имени кождо человека, иже от притчи, или от вещи»), а конвоем ему служат сочинения, посвященные разным типам иносказания: Притча о годе (л. 156—163), Иносказание о седми степенях человеческого жития (л. 167—168), «О лунном течении с приклады пятериц» (л. 169—174). Текст «Предисловия...» вырос почти втрое по сравнению с курлятевским, здесь большое внимание уделяется истории происхождения как греческих и римских, так и славянских имен, и усиливается «инструктивная» часть для создателей канонов: «Поелику потребны и приличны суть песни пророческия, иже на концы псалтыри пишутся, по толику потребны и тезоименитства на составление канон. Не навькнувый же силе словес песний пророческих и тезоименитства имен, отнюдь да сие дерзнуть на составление канонов. Сего ради глаголю вам, дерзающим на творение канонов, прежде потчатися добре навькнути, еже что коеждо имя челоуеческое руски толкуется, и что есть сила в краегранесех, еже пред каноном пишется, и что являет иамвик канона, яже вкратце объяви Святыя горы инок Максим Грек во своей книзе... И аще та можете разумети добре, то потрудитесь о вещи. Аще ли ни, то не всякий касайтесь делу, еже выше ваша сила» (л. 164—164 об.).

Нахождение новой редакции «Предисловия...» в окружении текстов иносказательного плана раскрывает, на мой взгляд, его внутреннюю связь с притчевой традицией древнерусской литературы — в понимании притчи не в качестве жанра, а в качестве принципов аллегорического иносказания.²⁶ Именно такое восприятие и использование притчи характерно для литераторов XVI в., и прежде всего Максима Грека. Однако необходимо отметить и гораздо более раннюю связь толкования имени с притчей: уже в XIII в. словари-ономастиконы соседствовали в рукописях со словарями приточниками, где содержалось аллегорическое толкование слов из Писания, таких, как *рог*, *псалтырь*, *струны*, *исполин* и т. п.²⁷ Явления эти по сути одного ряда, и толкования скрытого (чужеземного) смысла имен вполне укладываются в традицию символизма средневековой литературы.

Связь толкования имени в Азбуковниках исключительно с жанром канонов позволила Гельмуту Кайперту высказать мысль, что русские словари-ономастиконы включали «этимологии некоторых греческих имен, взятые из славянских кондакарей», а «Толкование именам по алфавиту» Максима Грека вовсе не являлось учебником греческого языка, как считала Л. С. Ковтун, а «должно было облегчить русским составителям гимнографических или агиографических произведений обыгрывание имен в качестве риторического приема»; таким образом, эти лексикографические труды имели «задачу чисто церковную».²⁸ Не отрицая связи лексиконов с духовной письменностью, мне хотелось бы сказать, что задачи их были намного шире. Толкование имени употреблялось не только в гимнографии, но, как уже говорилось, и в летописи, и в посланиях, и в публицистике еще в домонгольский период, что прямо отвергает точку зрения Г. Кайперта.

Особенно широко прием этимологизации имени распространился в XVII в. В 1620—1640-х гг. он активно обыгрывался в поэзии: поэты «шифруют» этимологическим смыслом как свое имя, так и имя адресата, иносказательно говорят о своих покровителях. Так, князь С. И. Шахов-

²⁶ См. подробнее: Ромодановская Е. К. Специфика жанра притчи в древнерусской литературе (в печати).

²⁷ Ковтун Л. С. Русская лексикография... С. 432—435.

²⁸ Кайперт Г. Крещение Руси и история русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1991. № 5. С. 100.

ской пишет в Послании князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому: «Зане цареву и рождышаго ты именуется ты *лице Божие*»²⁹ — тут явно имеется в виду имя царя и отца адресата (Михаил). Сходным образом обращается к царю Михаилу Федоровичу справщик Савватий: «В лепоту твое звание реченно *лице Божие*»,³⁰ а Стефан Горчак пишет о себе: «Но обаче отрыгнуение твое по именованию венец» (= Стефан).³¹

На толковании имен строит панегирическую поэзию Симеон Полоцкий; так, в его книжице «Гусль доброгласная» молодому царю Федору Алексеевичу царевичи и царевны желают свойств, выражаемых их именами: Иоанн — *благодать*, Петр — *твердость камня*, Ирина — *мир*, Анна — *радость*, Татьяна (= повелительница) — *власть*, Евдокия — *благоволение*, София — *мудрость* и т. д.³² В царствование Петра обыгрывание его имени (Петр — камень) делается общим местом как авторской, так и анонимной поэзии.

Совершенно иначе происходит выбор имени в беллетристике XVII в., где начинает господствовать вымышленный герой. Его имя также значимо, но выбор имени зависит от функции действующего лица, и в этом сказывается влияние не столько риторического приема «от этимологии», сколько традиции мифа и сказки. При этом вымышленность героя подчеркивается фантастичностью его имени (Францель Венециан, Ренцывена, Флорента, Мемзонзилиус и т. п.).³³ По-видимому, в эволюции художественной прозы это был необходимый этап, чтобы на новом витке в литературе русского реализма «восстановить» для вымышленного героя значимое имя «от этимологии» (самый яркий пример — Акакий Акакиевич «беззлобивый»).

²⁹ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 54.

³⁰ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 41.

³¹ Там же. С. 49.

³² Симеон Полоцкий. Избр. соч. М.; Л., 1953. С. 115—119.

³³ См. подробнее: Ромодановская Е. К. Русская литература... С. 45—52.